

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

ИЗ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА Е.Д. ПОЛИВАНОВА

Предисловие, публикация и комментарии

© 1997 Ф.Д. АШНИНА И В.М. АЛПАТОВА*

Научное наследие и многие обстоятельства биографии выдающегося советского ученого Евгения Дмитриевича Поливанова уже стали темой ряда публикаций¹. Однако многое о нем еще неизвестно, часто факты трудно отграничить от легенд и мифов. Особенно мало мы до последнего времени знали о последних, самых трагических месяцах жизни ученого. Поэтому необходима публикация его следственного дела № Р-27748, хранящегося в Центральном архиве ФСБ в Москве. Ранее Ф.Д. Ашнин подготовил краткую газетную публикацию, в которую вошли отрывки из некоторых документов дела². Теперь мы публикуем наиболее важные 14 документов из имеющих в деле. Однако и в журнальном варианте невозможно опубликовать все дело из-за его большого объема, поэтому прежде всего сокращена его реабилитационная часть.

Дело уточняет обстоятельства ареста и гибели Е.Д. Поливанова, опровергая ряд появлявшихся в печати легенд и домыслов: о его смерти от отравления наркотиками, о переводе его в Ташкент и др. См. также в статье М.В. Горбачевского данные о том, что следователь напомнил Поливанову о его знакомстве с Н.И. Бухариным³; неясно, откуда они взяты, так как имя Бухарина в деле отсутствует. При всей ненадежности следственных показаний как исторического источника, они все же дают некоторые новые сведения, не вызывающие особых сомнений, о ряде эпизодов биографии Е.Д. Поливанова: о его деятельности в Наркоминделе и Коминтерне, о причинах выбытия из партии и др. И наконец, дело - еще один документ среди многих, показывающий, какими преступными методами действовали сотрудники органов НКВД» страшные 1937—1938 годы.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ А.А. Леонтьев. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. М., 1983; В.Г. Ларцев. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М., 1988.

² См.: Радикал. 1990, XI. № 4.

³ Литературная газета. 25.V. 1988.

Народный комиссариат внутренних дел Киргизской ССР
Управление государственной безопасности
г. Фрунзе, Киргизская, № 43

Ордер № 477

действителен на 2 суток

от 1 августа 1937 г.

Выдан сотруднику 3-го отд. НКВД Кир[гизской] ССР т. Маргайтису на производство ареста и обыска Поливанова Евгения Дмитриевича по адресу Дзержинская 37 [59], кв. 3

Нач. УНКВД Кир[гизской] ССР капитан госбезопасности (подпись неразборчива¹)

Секретарь (подпись неразборчива)

Гербовая печать²

(л. 1)

"Утверждаю"

Нарком внутренних дел Кир[гизской] ССР
капитан госбезопасности (Четвертаков)

1 августа 1937 г. (печать)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1937 года августа 1-го дня. Я, начальник 4-го отделения 3 Отдела НКВД Кир[гизской] ССР лейтенант госбезопасности Маргайтис, рассмотрев материал в отношении Поливанова Е.Д., который материалами НКВД СССР изобличается в контрреволюционной троцкистской деятельности и подлежит аресту и направлению в распоряжение НКВД СССР, а потому

ПОСТАНОВИЛ:

Поливанова Евгения Дмитриевича, 1892 года рождения³, служащий, профессор Научно-исследовательского института, б/п, в прошлом дворянин, женат, проживает в гор. Фрунзе, Дзержинского 37 [59], кв. 3, арестовать и спецконвоем направить в Москву в распоряжение 3-го отдела НКВД СССР согласно распоряжению Замнаркома Внутренних Дел СССР за № 7156⁴.

Копию настоящего постановления направить Прокурору Кир[гизской] ССР и в 8-й отдел НКВД Кир[гизской] ССР.

Начальник 4 отделения 3-го отдела
лейтенант госбезопасности (Маргайтис)

"Согласен". Пом. нач. 3 отд[ела] НКВД СССР лейтенант госбезопасности (Титов)

"Согласен" Прокурор Кир[гизской] ССР [подпись неразборчива]

Гербовая печать. Дата 1/VIII

1937⁵

(л. 7-8)

3

МЕДЗАКЛЮЧЕНИЕ

3/к Поливанов, страдающий наркоманией, нуждается ежедневно в 2-х кратной инъекции героина

5.VIII.37

Врач Зайцева⁶ (л. 6)

"Утверждаю"

Нач. 3 отд[ела] ГУГБ НКВД (Григорьев)
28.VIII.1937г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ И ПРЕДЪЯВЛЕНИИ ОБВИНЕНИЯ

Город Москва 1937 августа 27 дня. Я, Владимиров, пом. нач. отделения второго отдела Третьего Главного Управления Госбезопасности НКВД, рассмотрев следственный материал по делу 12064⁷ и приняв во внимание, что Поливанов Евгений Дмитриевич, 1892 года рождения, уроженец г. Смоленска, б/п, гражданин СССР, достоверно изобличается в том, что был завербован иностранной разведкой и по заданию проводил шпионскую деятельность.

ПОСТАНОВИЛ:

гр. Поливанова Е.Д. привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58-1^а УК⁸, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей в Бутырской тюрьме.

Пом. нач. 3 отделения 3 отдела ГУГБ НКВД (Владимиров)

"Согласен" Зам. нач. 2 отделения 3 отдела ГУГБ НКВД (Яриков)⁹

Настоящее постановление мне объявлено 4 сентября 1937 г.

Подпись обвиняемого (Поливанов)

(л. 10)

СССР. Народный комиссариат внутренних дел
Главное Управление Государственной Безопасности

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1937 г. августа мес[яца] 22 дня. Я¹⁰ допросил в качестве

1. Фамилия Поливанов
2. Имя и отчество Евгений Дмитриевич
3. Дата рождения 1892
4. Место рождения г. Смоленск
5. Местожительство г. Фрунзе
6. Нац[иональность] и гражд[анство] (подданство) гр. СССР
7. Паспорт есть
8. Род занятий Профессор Института Киргизского языка и письменности
9. Социальное происхождение - из дворян
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)
  - а) до революции служащий,
  - б) после революции служащий
11. Состав семьи: жена Бригитта Альфредовна Поливанова¹¹, ее сестра Аврелия¹² - живут в г. Фрунзе
12. Образование (общее, специальное) высшее
13. Партийность (в прошлом и в настоящем) Состоял в ВКП(б) с 1919 по 1926 г. и выбыл механически¹³.

14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)
  - а) до революции - нет,
  - б) после революции в 1918 г. был под следствием за растрату. Оправдан¹⁴.
15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов власти - нет
16. Категория воинского учета запаса и где состоит на учете - нет
17. Служба в Красной Армии (красн[ой] гвардии, в партизан[ских] отрядах), когда и в качестве кого: в 1919, 1920 и 1921 гг. в политотделе 9 армии и Балтфлоте - культ. работа.
18. Служба в белых и др. к-р. армиях (когда, в качестве кого) - нет
19. Участие в бандах, в к-р. организациях и восстаниях - нет
20. Сведения об общественно-политической деятельности - нет

Показания обвиняемого (свидетеля)

Вопрос: Что Вы делали до Октябрьской революции 1917 года?

Ответ: В 1912 году окончил Петербургский университет по историко-филологическому факультету. До этого в 1911 году также окончил Восточную академию по японскому разряду. После окончания Университета я работал преподавателем в частной гимназии Иозефовича и на женских педагогических курсах новых языков. Преподавал французский язык, общую фонетику, русский и латинский. В 1915 г. стал работать приват-доцентом в Петербургском университете по японскому языку. По командировке Академии наук и Университета выезжал в Японию в 1914, 1915 и 1916 годах для научных занятий. В 1916 году из Японии вернулся в октябре месяце и продолжал работать в Университете. После Февральской революции 1917 года я стал работать в газете "Новая жизнь", сотрудничал в кабинете военной печати при Всероссийском Совете Крестьянских Депутатов. Этим кабинетом был прикомандирован к Министерству Иностранных Дел.

Вопрос: Что Вы делали после Октябрьской революции 1917 года?

Ответ: В октябре 1917 года (26 или 27 числа) (по приглашению Урицкого) я стал работать в Наркоминделе уполномоченным, что равноестно заместителю Наркома. Я работал по Германии и по Востоку и был председателем советской делегации по перемирию в Петрограде. Наркомом тогда был Троцкий, а с 1918 года Чичерин¹⁵. В феврале 1918 года из Наркоминдела ушел, а в том же году начал работать зав. Восточным отделом Информационного бюро Северной области, а затем организатором китайской коммунистической секции при Петербургском¹⁶ комитете ВКП(б), одновременно работал в Петроградском университете.

В 1921 году я переехал в Москву и начал работать заместителем начальника Дальневосточного Отдела Коминтерна и в КУТВе заведовал восточным сектором. В том же году Коминтерном я был послан в г. Ташкент для работы в законспирированном отделе Коминтерна по линии Синьцзяна и дунган. С конца 1921 года я остался в Ташкенте, где работал профессором Университета и заместителем председателя ГУС'а¹⁷ Туркеспублики. С 1923 года стал заниматься научной работой по языкам Средней Азии. В 1924 и 1925 году работал в Ташкенте зав. Главлитом. В 1924 году по вызову Военной академии ездил в Москву для преподавания японского языка. Был в Москве одно лето.

В 1926 г. ездил во Владивосток, где работал профессором японского языка в Дальневосточном университете. Осенью переехал в Москву и стал работать в КУТВе и председателем лингвистической секции РАНИОН'а.

В 1929 году уехал в Самарканд для работы в Институте¹⁸, вместе с институтом в 1931 г. переехал в Ташкент. В 1934 г. перебрался в Киргизию, где стал работать профессором.

Вопрос: Какие Вы знаете языки?

Ответ: Я знаю 18 языков: французский, немецкий, английский, латинский, греческий, испанский, сербский, польский, китайский, японский, татарский, узбекский, туркменский, казахский, киргизский, таджикский, эстонский и русский.

Записано с моих слов верно. Мне прочитано (подпись¹⁹)

Допросил пом. нач. 2 отд[еления] (подпись неразборчива)

(л. 11-13)

ЗАЯВЛЕНИЕ

подследственного Е.Д. Поливанова, содержащегося в Бутырской тюрьме,
от 1 октября 1937 г.

Я обвиняюсь в шпионаже в пользу Японии по ст. 58-1^а. Прошу о прекращении тяжелых приемов допроса (физическим насилием²⁰), так как эти приемы заставляют меня лгать и приведут только к запутыванию следствия.

Добавлю, что я близок к сумасшествию...²¹

7

ПРОТОКОЛ

допроса обвиняемого Поливанова Е.Д.
от 15 октября 1937 года

1892 г.р., ур[оженец] г. Смоленска, русский, гр. СССР, служащий, с высшим образованием, беспартийный. В 1911-12 гг. окончил Петербургский университет по историко-филологическому факультету и Восточную Академию по японскому языку. До революции несколько раз бывал в Японии. Владею 18 иностранными языками. В 1917 г. был заместителем Троцкого в Наркоминделе. В 1921 г. работал помощником заведующего Восточным Отделом ИККИ. В последующее время занимался научно-исследовательской деятельностью. В момент ареста - профессор Института киргизского языка и письменности.

Вопрос: Вы изобличены в шпионской деятельности в пользу японской разведки. Когда Вы были завербованы японцами? Где и кем?

Ответ: Я был завербован японской разведкой в 1916 году. Завербовал меня японский разведчик Яманаси в г. Владивостоке.

Вопрос: Изложите, при каких обстоятельствах Вы были завербованы Яманаси?

Ответ: В 1916 г. я возвращался из Японии после очередной поездки туда для научно-исследовательской деятельности. Остановившись на некоторое время во Владивостоке, я там тесно общался со священником Григорьевым, который ранее был в духовной миссии в Токио и владел японским языком. Встречаясь с Григорьевым во Владивостоке, я как-то однажды при его посредстве познакомился с Яманаси. После знакомства с Яманаси мы начали с ним систематически встречаться. Первые наши беседы с Яманаси носили характер воспоминаний об общих знакомых по Японии. Яманаси оказался человеком развитым, сведущим по целому ряду вопросов, интересовавших меня в то время как научного деятеля, это и послужило основанием к моему сближению с ним.

Я в то же время любил пожить на широкую ногу, и имевшихся у меня средств явно не хватало на расходы. Яманаси сразу заметил это и все расходы по совместным нашим с ним кутежам принимал на свой счет и прямо одалживал мне денег. Яманаси приходил ко мне в гостиницу "Золотой рог", и мы подолгу беседовали с ним.

Вопрос: Какое официальное положение занимал Яманаси в то время?

Ответ: Он называл себя представителем известной мне японской фирмы "Ивасия".

Вопрос: Продолжайте Ваши показания.

Ответ: В процессе дальнейших бесед Яманаси как-то спросил меня, является ли моим однофамильцем или родственником бывший военный министр Поливанов²². Я ответил, что это мой родственник. Яманаси стал спрашивать меня, бываю ли я и как часто в Петрограде у Поливанова и знаю ли кого-либо из высокопоставленных лиц во Владивостоке и Петрограде. Я упомянул о знакомстве с комендантом Владивостокской крепости генералом Крыловым. После этого Яманаси стал спрашивать меня, не знаю ли я губернатора или вице-губернатора Приморской области. Яманаси стал особенно интересоваться генералом Крыловым, и я сообщил Яманаси, у кого бывает генерал Крылов. Продолжая посещать меня, Яманаси все время ссужал меня деньгами, и оказалось, что за довольно короткое время я получил от него около 600 рублей.

К этому времени я целиком подпал под влияние Яманаси, а он продолжал расспрашивать меня по интересующим его вопросам. В конечном итоге в процессе повседневных общений я передал Яманаси целый ряд секретных сведений, которые позволили ему непосредственно произвести мою вербовку.

В одну из очередных встреч он потребовал от меня определенной негласной работы в пользу японцев, указав на то, что я уже оказал им определенные услуги. Увидев, что я нахожусь всецело в руках Яманаси, я дал ему согласие.

Вопрос: Разве только по боязни разоблачения Вы дали согласие вести разведывательную работу в пользу Японии?

Ответ: Конечно, дело не только в этом. Я должен был заявить прямо, что, принимая решение и давая согласие вести работу в пользу японцев, я общался длительное время с японцами, был определенно японофильски настроен.

Когда Яманаси начал со мной откровенный разговор, я полностью был настроен в пользу Японии и поэтому, не раздумывая, дал согласие на его предложение.

Вопрос: Как Вы условились о дальнейшей связи с Яманаси?

Ответ: При своем выезде в Петроград мы условились с Яманаси, что в Петрограде со мной свяжутся. Я дал ему свой домашний телефон.

Вопрос: Какие задания Вы получили от Яманаси перед Вашим отъездом в Петроград?

Ответ: Так как Яманаси в период моей с ним владивостокской связи все время интересовался ответственными военными работниками, а я давал ему по этим вопросам соответствующие ответы, то все наши беседы велись в плоскости необходимости завязывания связей с руководящими военными работниками. Перед самым моим отъездом из Владивостока я получил от Яманаси конкретное задание внедриться в царскую разведку. При этом мне было указано, чтобы я использовал все свои связи среди военных. По указаниям Яманаси я должен был информировать влиятельных военных лиц о своих впечатлениях и некоторых данных общего характера о Японии с тем, чтобы посредством этой информации обратить на себя внимание с последующим внедрением в царскую разведку.

Вопрос: Удалось ли Вам внедриться в царскую разведку?

Ответ: Да, вскоре после моего приезда в Петроград я был завербован царской разведкой.

Вопрос: Как это произошло?

Ответ: Приехав в Петроград, я представил докладную записку с изложением в ней деятельности некоторых японских обществ, ставящих своей целью проникновение японского влияния на русский Дальний Восток.

Эту докладную записку я передал председателю Общества востоковедения генералу Шведову, с которым состоял в некоторых деловых отношениях как работавший в японском отделе вышеназванного общества.

Шведов был доволен собранными мною данными и передал их в разведку Генерального Штаба. Через некоторое время тот же Шведов направил меня в

царскую разведку к генералу Рябикову. Посетив Рябикова, последний сказал мне, что, поскольку я уже самостоятельно собрал интересные данные, я принес бы пользу, если бы в дальнейшем работал в Японии уже непосредственно для русской разведки. Я дал свое принципиальное согласие, сказав, что поеду в Японию в 1917 году. Тогда Рябиков сказал мне, что при моем выезде в Японию мне надлежит во Владивостоке явиться к генералу Крылову, от которого я получу указания и средства на разведывательную работу. Однако моя поездка в Японию в 1917 году не состоялась в связи с Февральской революцией.

Вопрос: Когда Вы установили связь с японской разведкой в Петрограде?

Ответ: После того как я вернулся в Петроград, спустя два месяца ко мне на квартиру позвонил японец Макусэ и просил на следующий день придти к нему на квартиру на Николаевскую улицу.

Вопрос: Кто такой Макусэ?

Ответ: Макусэ был преемником Хасэгавы, представителя японской комиссии в Петрограде по поставке военного снаряжения Российскому Главному артиллерийскому управлению и интендантству.

Вопрос: Состоялась Ваша встреча с Макусэ?

Ответ: Да, я посетил квартиру Макусэ, где мы условились о поддержании дальнейшей связи.

Вопрос: В царскую разведку Вы были завербованы до установления Вашей связи с Макусэ?

Ответ: Да.

Вопрос: Вы сообщили Макусэ о том, что Вам удалось внедриться в царскую разведку?

Ответ: Да, сообщил. Макусэ остался этим очень доволен и сказал мне, что, когда я поеду в Японию, он даст мне указания, что делать.

Вопрос: А какие задания Вы получили от Макусэ на [проведение] разведывательной деятельности в Петрограде?

Ответ: Состоя агентом царской разведки, я фактически в то время до моего отъезда в Японию не мог быть полезен японцам, и поэтому Макусэ старался использовать меня по линии разведывательной деятельности в армии. Он дал мне задание завязать знакомство с генералами Маниковским²³ и Николаи.

Вопрос: Как Вы выполняли это задание Макусэ?

Ответ: Непосредственно с Маниковским и Николаи я знаком не был, и для завязывания этого знакомства мне требовалось довольно длительное время. Это было в конце 1916 года. К этому времени у меня с Макусэ связь по неизвестным для меня причинам прервалась.

В сентябре 1917 года меня разыскал какой-то японец, назвавшийся переводчиком из японского посольства в Петербурге²⁴, который передал мне, что со мной хочет говорить служащий японского посольства Умеда. Я сказал, что смогу принять Умеду на службе, и рассказал, как меня разыскать.

Вопрос: Где Вы в то время служили?

Ответ: Я был прикомандирован от Всероссийского Совета крестьянских депутатов к Министерству иностранных дел Терещенко²⁵, где заведовал отделом печати.

Вопрос: Ваша встреча с Умедой состоялась?

Ответ: Да, он приезжал ко мне на службу, где мы в моем кабинете договорились о моей дальнейшей работе на японцев.

Вопрос: Что Вы делали по заданию Умеды в тот период?

Ответ: Это был период бурных событий в стране, и я по всем важнейшим событиям подробно информировал Умеду. Из наиболее важных сведений я сообщил:

1) О работе Всероссийского Совета крестьянских депутатов, главным образом о том, что этот Совет крестьянских депутатов, управляемый правыми эсе-

рами, ведет упорную работу против большевиков и против Совета рабочих депутатов.

2) О работе кабинета Военно-морской печати. Я подчеркивал, что благодаря предательской роли правозэсеровского большинства кабинета французы фактически осуществляют цензуру над кабинетом, который обслуживал более 100 фронтовых и флотских газет.

3) О французском наказе Скобелеву²⁶. Это был второй наказ, направленный против наказа об условиях мира без аннексий и контрибуций, данного Скобелеву Всероссийским Советом рабочих депутатов. Этот же наказ, который проводился от имени Всероссийского Совета крестьянских депутатов, требовал, наоборот, войны до победного конца.

4) О работе отдела печати в Министерстве иностранных дел при Терещенко.

5) О работе комиссии по подготовке к заключению мира в Генеральном Штабе, где я состоял членом этой комиссии. Комиссия эта выработывала предположительные условия мира с Германией.

Умеда мне дал тогда задание, чтобы я аргументировал безусловное оставление Циндао в руках Японии²⁷, что я и выполнил. Все это было в период, предшествующий Октябрьской революции.

Вопрос: Какова была Ваша служебная деятельность после Октябрьской революции?

Ответ: С первых дней после Октябрьской революции я был назначен заместителем наркома иностранных дел. Наркомом в то время был Троцкий.

Вопрос: Сколько времени Вы работали с Троцким?

Ответ: Я работал вместе с Троцким с начала Советской власти до середины января 1918 года.

Вопрос: А когда Вы последний раз встречались с Троцким?

Ответ: В последний раз я встречался с Троцким в феврале или марте 1918 года на заседании Всероссийского съезда Советов, на котором Троцкий делал доклад о Брестском мире.

Вопрос: В период Вашей работы с Троцким Вы были членом ВКП(б)?

Ответ: Нет, в партию я вступил в начале 1919 года.

Вопрос: Когда и по каким причинам Вы вышли из партии?

Ответ: Выбыл из партии я механически в 1926 году как пассивный и увлекавшийся наркоманией.

Вопрос: Какие Вы лично проводили мероприятия в пользу японцев, работая заместителем Троцкого по Наркоминделу?

Ответ: Я принимал меры к тому, чтобы не допустить опубликования в прессе секретных пунктов русско-японского соглашения 1916 года, являвшихся, по существу, планом раздела влияния в Китае между Россией и Японией.

Вопрос: Документы Вы передавали японцам в то время?

Ответ: Да, передавал.

Вопрос: Какие документы?

Ответ: Я передал Умеде две докладные записки б. начальника Дальневосточного отдела Сазоновского министерства министру Сазонову²⁹. В этих записках содержалась резкая критика японских предложений и два проекта самого соглашения 1916 года.

Вопрос: А что Вы сообщали Умеде в порядке информации?

Ответ: Я сообщал о всей деятельности Наркоминдела. Кроме того, я сообщил о деятельности Комиссии по перемирию в Петрограде, рассказав о том, что все соглашения, достигнутые в этой комиссии (о возвращении военнопленных, о цензуре, о почтовых отношениях и пр.), фактически были сорваны поведением делегации на Брестском мире.

Вскоре после моего ухода из Наркоминдела моя связь с Умедой на некоторое время прервалась.

Вопрос: Следовательно, занимая пост зам. наркоминдела, Вы заведомо пошли на предательство, состоя агентом японской разведки?

Ответ: Да, это было так.

Вопрос: Когда Вы вновь установили связь с Умедой?

Ответ: Вскоре Умеда вместе с посольством переехал в Москву. В 1921 году я получил назначение в Москву на должность помощника заведующего Дальневосточным отделом ИККИ. И вот однажды, весной 1921 года, Умеда позвонил мне в гостиницу "Люкс" и назначил мне свидание у храма Христа Спасителя, куда я и явился. Там со слов Умеды я узнал, что ему сообщил о моем пребывании в Москве и о моей работе в ИККИ какой-то человек, кто именно - не назвал. Мы тут же условились с Умедой, что дальнейшие наши встречи будут происходить на том же месте у храма Христа Спасителя.

Вопрос: Какие сведения Вы сообщали Умеде за период Вашей работы в ИККИ?

Ответ: Я сообщал самые подробные данные о том, как Дальневосточный отдел ИККИ проводит определенную работу против Японии в Корее. Указывал, что ведется большая работа по организации революционного движения в Корее. В связи с этим сообщал о том, что готовились кадры, которые должны были быть переброшены в Корею. Я сообщал также о совещании, организованном в Дальневосточном отделе Коминтерна с участием Шумяцкого³⁰, по координации действий на Ближнем и Дальнем Востоке, где речь шла опять-таки о том, что революционное выступление в Корее на первой очереди.

Наконец, я сообщил о подготовке к III Конгрессу Коминтерна³¹, в частности о данных, на которых должен был строиться доклад заведующего Дальневосточным отделом. В 1921 году моя непосредственная связь с Умедой опять прервалась.

Вопрос: Вследствие каких причин?

Ответ: Я получил от Коминтерна командировку в Ташкент, но вынужден был там задержаться в связи с болезнью жены. В Москву я вернулся только в 1926 году, где опять установил связь с Умедой.

Вопрос: При каких обстоятельствах это произошло?

Ответ: Узнав от одного из японцев, учившихся в КУТВе, Умеда связался со мной в начале 1927 года. Мы договорились с Умедой о дальнейшей связи. Встречи эти происходили у меня на квартире, о времени встреч мы созванивались по телефону.

Вопрос: Что Вы сообщали Умеде в то время?

Ответ: В связи с научным характером моей работы в то время я не мог давать Умеде более или менее ценных сведений политического характера. Я информировал о постановке преподавания в КУТВе, указав, что КУТВ готовит, кроме советского сектора, и зарубежные кадры. Указал количество учащихся различных национальностей.

Вопрос: Сколько времени Вы пробыли в Москве?

Ответ: В Москве я пробыл до 1929 года. В 1929 году я, по предложению Наркомпроса Узбекистана, выехал в Самарканд для работы в Узбекском исследовательском институте.

Вопрос: Выезжая в Самарканд, как Вы условились с Умедой о поддержании связи?

Ответ: Я должен был вернуться в Москву для ликвидации своих дел, поэтому решение вопроса о дальнейшей связи было отложено до моего приезда в Москву.

Вопрос: Когда Вы приехали в Москву и как договорились с Умедой?

Ответ: Я приехал в Москву в 1930 году. В этот мой приезд я получил указание от Умеды, что основной моей задачей будет изучить возможность проникновения японского влияния в Среднюю Азию.

Я сказал Умеде, что в ближайшее время я буду жить и работать в Ташкенте. Тогда

же Умеда сказал, что за информацией ко мне будет приставлен кореец по фамилии Ким Николай Иванович, который, разыскав меня, должен будет на японском языке сказать, что он от Умеды. Ким должен был, как мы условились с Умедой, разыскать меня в наркомпросовских учреждениях.

Вопрос: Когда и где Вы с ним впервые встретились и как потом поддерживали связь?

Ответ: Впервые Ким ко мне явился в 1932 году. Встретившись с Кимом, как это было обусловлено Умедой, он впоследствии приходил ко мне на квартиру. Приезжал Ким нерегулярно, не чаще одного раза в 3 - 4 месяца. Через Кима я переправлял в Москву в японское посольство ту информацию, которую удалось собрать по Средней Азии.

Вопрос: Опишите приметы Кима.

Ответ: Ким лет 35, среднего роста, плотный, корейский тип лица, черные коротко стриженные волосы, бороду бреет, носит небольшие усы. Особых примет не имеет.

Вопрос: Когда в последний раз был у Вас Ким?

Ответ: В начале 1937 года.

Вопрос: Какие материалы шпионского характера Вы передали японцам через Кима?

Ответ: Я выполнял основное задание Кима по изучению каналов возможного проникновения японского влияния в Среднюю Азию. Изучив этот вопрос, я дал свои развернутые соображения, в которых указал: основной почвой для возможного проникновения влияния в Среднюю Азию являются те японофильские настроения среди местных мелкобуржуазных элементов и среди джадидов³² интеллигентов, которые базируются на формуле: "Надо подражать Японии, которая, сумев создать собственную культуру и военную силу, сумела освободиться от европейского захвата". Этот лозунг получил распространение, особенно в Узбекистане, среди молодых кадров просвещенцев вследствие того, что в первые годы после Октябрьской революции дело просвещения в Узбекистане находилось в руках военнопленных турецких офицеров.

Аргументировал, что у националистов Узбекистана и у казахских националистов японофильские воззрения довольно сильно распространены. У киргизов же и дунган японофильство проявляется слабо.

Осветил также [вопрос] о расслоениях в узбекских кишлаках, где, несмотря на земельную реформу, продолжали существовать еще кулаки (баи), имеющие батраков под видом родственников.

В своих выводах я указал, что для проникновения японского влияния в Среднюю Азию могут служить прежде всего джадидские кадры Узбекистана, как наиболее многочисленные и наиболее сплоченные, ушедшие за последнее время в глубокое подполье.

Я передал сведения об аму-дарьинском транспорте, указав, что с 1932 года на Аму-Дарье введен новый вид транспорта - введены глиссеры, которые очень ускорили сообщение, и началась постройка особого типа аму-дарьинских пароходов, специально приспособленных к постоянно изменяющемуся фарватеру и новообразующимся мелям.

Я информировал также о строительстве важнейших дорог в Киргизии, главным образом о дороге Фрунзе — Рыбачье, сообщив о бетонированных барьерах и о значении этой дороги в смысле снабжения города Фрунзе и железной дороги, а также в смысле связи с Каракольским и Нарынским районами.

Вопрос: Таким образом, Вы, будучи завербованы японцами в 1916 году, до 1937 года вели активную шпионскую работу, использовав то доверие, которое Вам оказывалось?

Ответ: Да, я признаю полностью себя в этом виновным.

Протокол с моих слов записан правильно и мне зачитан (подпись)

Допросили: Пом. нач. 3 отдела и нач. 2 отделения 3 Отдела ГУГБ НКВД капитан государственной безопасности (Григорьев)

Оперуполномоченный 2 отделения 3 Отдела ГУГБ НКВД сержант государственной безопасности (Мальцев) (л. 14-27)

8

Из протокола допроса к делу № 33 1937 г. августа месяца 22 дня я, оперуполномоченный 2 отделения 3 Отдела ГУГБ Гончаров, допросил в качестве свидетеля:

Кузнецов Николай Кириллович, 1890 г.р., ур[оженец] г. Вильно, проживает: Москва, Кузнецкий мост, д. 5/21, гражданин СССР, ном. зав. политархивом НКВД, из служащих, образование высшее, член ВКП(б) с 1918 г., в 1919-20 гг. военком отдела снабжения³⁴.

Вопрос: Знаете Вы Поливанова?

Ответ: Будучи в 1916 г. в Японии, слышал, что в Токио бывал какой-то Поливанов.

Вопрос: Когда Вы с ним познакомились?

Ответ: В 1917 г. я поступил работать в НКВД и там с ним познакомился, он работал замнаркома.

Вопрос: Что Вы знаете о его связях с японцами?

Ответ: В НКВД он работал замнаркома и ведал восточными делами, куда входили и японские вопросы, вокруг него вращались восточники и особенно японцы, образ жизни вел крайне безалаберный; пьянство, связь с публичными женщинами, кокаирист. Еще находясь в Японии в 1916 г., мне много приходилось слышать о его проделках, а именно: что он пьянствовал там, часто валялся в грязи, уезжал из гостиниц, не платя денег, все эти факты дают повод подозревать его не в простой связи, а как человека, связанного с японцами по шпионажу, иначе японцы не допустили бы такого безобразия и могли поднять скандал. Его шпионская деятельность в пользу Японии не вызывает сомнений, об этом говорит всё его поведение.

Вопрос: Где он сейчас?

Ответ: По слухам, он где-то в Средней Азии читает лекции по Востоку, я с ним не виделся примерно с 1922 г.

Записано с моих слов правильно и мною прочитано

(подпись)

Допрос производил оперуполномоченный 3 Отдела ГУГБ

(Гончаров)³⁵

(л. 28-29)

Обвинительное заключение от 31 декабря 1937 года

"Утверждаю"

Нач. 3 Отдела ГУГБ НКВД СССР
комиссар госбезопасности 3 ранга
(Минаев)

23 октября 1937

"Утверждаю"

Прокурор Союза ССР
(А.Я. Вышинский)³⁶

31 декабря 1937

по следственному делу № 13599 по обвинению Поливанова Е.Д. по ст. 58-1^а, 58-8 и 58-11³⁷ УК РСФСР.

Поливанов, в 1913 г. окончив в Петербурге университет и Восточную академию по японскому языку, выезжал несколько раз в Японию в научные командировки.

Вследствие длительного общения с японцами стал японофилом.

В 1916 г., возвращаясь из Японии, в г. Владивостоке Поливанов через своего знакомого Григорьева познакомился с японским разведчиком Яманаси.

Яманаси, используя японофильские убеждения Поливанова и подкупив его деньгами, завербовал Поливанова в японскую разведку.

По заданию Яманаси Поливанов, приехав в Петроград, поступил³⁸ в царскую разведку для работы на японцев.

После внедрения в царскую разведку Поливанов установил в Петрограде шпионскую связь с японским разведчиком Макусэ, с которым был связан до Октябрьской революции.

После Октябрьской революции Поливанов был назначен заместителем Наркоминдела. Наркомом в то время был Троцкий.

С Троцким Поливанов работал до начала 1918 г. Работая в Наркоминделе, Поливанов связался с японским разведчиком Умедой.

Проводя свою шпионскую, предательскую деятельность, Поливанов сообщал японцам о своей деятельности в наркоминделе.

В 1921 г. Поливанов получил назначение в Москву на должность помощника заведующего Дальневосточным отделом ИККИ. В это время он сообщал японцам самые подробные данные о том, как Дальневосточный отдел ИККИ проводит работу.

С 1930 г., находясь на работе в Средней Азии, Поливанов до момента его ареста поддерживал связь с представителями японской разведки в Москве через специального связиста, выполняя поручения японской разведки по шпионской и террористической работе.

За это время он изучил каналы возможности проникновения японского влияния в Средней Азии и передал японцам свои развернутые соображения. Кроме этого сообщил известные ему шпионские сведения по Средней Азии.

Виновным себя признал.

На основании изложенного Поливанов Евгений Дмитриевич...³⁹ обвиняется в том, что он:

1. В 1916 г. японским разведчиком Яманаси был завербован в японскую разведку⁴⁰.
2. По заданию японцев поступил в царскую разведку.
3. После Октябрьской революции, занимая пост зам. Наркоминдела (наркомом был Троцкий), сообщал японцам о всей деятельности Наркоминдела.
4. Проводил определенную шпионскую и террористическую работу по заданию японской разведки.
5. Находясь на работе в Средней Азии, изучил каналы возможного проникновения японского влияния в Средней Азии и передавал японцам по этому вопросу свои развернутые соображения,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1^а, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Вследствие изложенного Поливанов Е.Д. подлежит преданию суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР с применением закона от 1/ХП 1934 г.⁴¹.

Оперуполномоченный 2 отделения 3 Отдел ГУГБ

Сержант госбезопасности (Мальцев)

"Согласен" Пом. нач. 3 Отдела и нач. 2 отделения

3 Отдела ГУГБ капитан госбезопасности (Григорьев)

СПРАВКА: Поливанов Е.Д., арестован 1/VIII 37 г. и содержится под стражей в Бутырской тюрьме ГУГБ НКВД

Вещественных доказательств нет.

Оперуполномоченный 2 отделения 3 Отдела ГУГБ

Сержант госбезопасности (Мальцев)⁴²

(л. 30-32)

10

ПРОТОКОЛ
закрытого судебного заседания
выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда
от 25 января 1938 г.
г. Москва

Председательствующий диввоенюрист Голяков
Члены: бригавоенюрист Зарянов, военюрист 1 ранга Кандыбин
Секретарь военюрист 3 ранга Козлов

Председательствующий объявил, что подлежит рассмотрению дело по обвинению Поливанова Е.Д. в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1^а, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Секретарь доложил, что подсудимый в суд доставлен и что свидетели по делу не вызывались.

Председательствующий удостоверился в самоличности подсудимого и спрашивает, вручена ли ему копия обвинительного заключения, на что подсудимый ответил утвердительно. Подсудимому разъяснены его права на суде и объявлен состав суда.

Подсудимый никаких ходатайств и отвода составу суда не заявил.

По предложению председательствующего секретарем оглашено обвинительное заключение.

Председательствующий разъяснил подсудимому сущность предъявленных ему обвинений и спросил его, признает ли он себя виновным, на что подсудимый ответил, что виновным себя не признает. От своих показаний на предварительном следствии отказывается, считая их ложными.

Оглашаются показания Кузнецова.

Подсудимый заявил, что знакомства с японцами у него не было, так как он ездил в Японию и изучал их язык.

Он работал всегда честно и никогда шпионом не был.

Больше дополнить судебное следствие ничем не имеет.

Председательствующий объявил судебное заседание законченным и предоставил подсудимому последнее слово, в котором он заявил, что его показания ложны.

Суд удалился на совещание.

По возвращении суда с совещания председательствующий огласил приговор.

Председательствующий (Голяков)

Секретарь

(Козлов)

(л.35)

11

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР в составе председательствующего диввоенюриста Голякова, членов бригавоенюриста Зарянова и военного юриста 1 ранга Кандыбина при секретаре военном юристе 3 ранга Козлове.

В закрытом судебном заседании в городе Москве 25 января 1938 г. рассмотрела дело по обвинению Поливанова Евгения Дмитриевича, 1892 г.р., бывший профессор Института киргизского языка и письменности, - в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1^а, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что подсудимый Поливанов являлся активным участником антисоветской диверсионно-террористической шпионской организации, созданной по заданию японской разведки.

Находясь на работе в Средней Азии, Поливанов в период 1930-1937 гг. вел шпионскую работу в пользу Японии, передавая представителю японской разведки в Москве сведения о Средней Азии, составляющие государственную тайну СССР. Кроме этого установлено, что Поливанов агентом японской разведки состоял с 1916 года и с тех пор систематически собирал и передавал японской разведке шпионские сведения.

Таким образом, установлена виновность Поливанова в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1^а, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

На основании вышеизложенного и руководствуясь ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Военная Коллегия Верховного Суда СССР ПРИГОВОРИЛА:

Поливанова Евгения Дмитриевича к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

Приговор окончательный и в силу Постановления ЦИК СССР от 1/ХП 1934 года подлежит немедленному исполнению.

Председательствующий диввоенюрист Голяков

члены: бригавоенюрист Зарянов, военюрист 1 ранга Кандыбин

(л. 36)

12

СПРАВКА

Приговор о расстреле Поливанова Евгения Дмитриевича приведен в исполнение в Москве 25 янв[аря] 1938 года⁴³. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в особом архиве 1-го спецотдела НКВД СССР, том 3, л. 44.

Нач. 12 отд[еления] 1 Спецотдела НКВД СССР лейтенант Шевелев

(л. 37)

13

В ПРОКУРАТУРУ СОЮЗА ССР

тов. Васильеву

Уважаемый товарищ!

Я знал Евгения Дмитриевича ПОЛИВАНОВА по Петербургскому (Ленинградскому) университету с 1914 года. Профессура считала Евгения Дмитриевича человеком гениальных способностей, который должен стать славой русской науки.

Он кончил университет по кафедре сравнительного языкознания, служил в нашем посольстве в Японии, работал в Китае⁴⁴; вернулся в Петербург для научной работы.

Профессор Бодуэн де Куртенэ относился к Поливанову как к равному, восхищаясь широтой его знаний и обобщений.

Насколько я помню, Евгений Дмитриевич по происхождению аристократ, имел большие связи; про него говорили, что он потомок Лобачевского и в то же время рассказывали, что он преподает на окраинах в рабочих школах.

В то же время я должен сказать, что на Дальнем Востоке Евгений Дмитриевич привык к опиуму и лечился от наркомании.

Способности его были феноменальны: он переводил с южно-китайского на северокитайский, знал все европейские языки, иранский язык, индусский, все тюркские языки, финские языки⁴⁵.

Во время первой мировой войны Евгений Дмитриевич служил в Министерстве иностранных дел и имел отношение к хранению секретных документов⁴⁶.

Во время Февральской революции я вывел в город на стороне восставших броневые машины и встретился с Поливановым на Невском проспекте, угол Садовой.

Несмотря на то, что у Евгения Дмитриевича была одна рука, он с группой людей строил баррикаду, перевернув трамвайный вагон и омнибус.

После Февральской революции Поливанов, к изумлению всех, оказался большевиком-ленинцем, что было тогда враждебно принято в академических кругах.

Я был связан с Евгением Дмитриевичем, так как мы вместе печатались в "Сборниках по теории поэтического языка". Я встречался с ним у Маяковского, мы много говорили, и я знаю его политические убеждения: он был марксистом, широко образованным.

Во время Октябрьской революции Поливанов, как мне говорили, помог достать и обнаружить тайные договоры царской России с империалистическими государствами⁴⁷.

Во время Кронштадтского восстания Поливанов водил на лед китайские и корейские отряды, а потом держал в нескольких районах города руководство охраной от контрреволюции.

Евгений Дмитриевич был противником академика Марра, считая его не марксистом; это вызвало тяжелое осложнение в жизни Поливанова, так как он выступил против теории Марра с печатными трудами, изданными на правах рукописи, а Марр держал диктатуру в вопросах изучения языка⁴⁸.

Общественная репутация Евгения Дмитриевича была уязвима, так как он был наркоман; профессору пришлось покинуть петербургский университет, где уже получил кафедру⁴⁹, уехать в Среднюю Азию. Он начал преимущественно заниматься тюркскими языками, создал школу учеников, но был арестован и погиб в городе Фрунзе⁵⁰.

Его научные труды почти не изданы⁵¹.

Считали, что он идет во главе мировой лингвистики, ища ее общие законы.

Прошло много десятков лет. Вероятно, многое открыто другими, но для славы советской науки, для истории марксистского языковедения и для исследования специальных вопросов литературы Востока, думаю, работы Евгения Дмитриевича не прошли⁵².

Младший друг Поливанова - писатель Венямин Каверин неоднократно выводил Поливанова в своих романах и повестях под именем Драгоманова⁵³.

(В. Б. ШКЛОВСКИЙ)⁵⁴

(л. 45-46)⁵⁵

14

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 237-63

Пленума Верховного Суда СССР
3 апреля 1963 года

Под председательством Зам. председателя Верховного Суда ССР - тов. Теребилова В.И. с участием Зам. Генерального Прокурора СССР - тов. Мишутина А.Н. при секретаре - тов. Кузнецове А.Г.

Протест Генерального Прокурора СССР по делу Поливанова Евгения Дмитриевича⁵⁶

По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 25 января 1938 года профессор Киргизского научно-исследовательского института языка и письменности ПОЛИВАНОВ Евгений Дмитриевич, 1892 года рождения, уроженец г. Смоленска, осужден на основании статей 58-1^а, 58-8 и 58-11 УК РСФСР к расстрелу с конфискацией имущества.

Поливанов признан виновным в том, что с 1916 года являлся агентом японской разведки и передавал ее представителям шпионские сведения. В 1930-1937 годах, находясь в Средней Азии и будучи активным членом антисоветской диверсионной террористической шпионской организации, созданной по заданию японской разведки, передавал ее представителю в Москве сведения, составляющие государственную тайну.

Обсудив протест Генерального Прокурора СССР, который предлагает отменить приговор и дело в отношении Поливанова производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступлений, Пленум Верховного Суда СССР находит, что протест подлежит удовлетворению.

Обвинение Поливанова основано лишь на его показаниях, полученных в стадии предварительного следствия путем применения незаконных методов допроса, о чем свидетельствует заявление Поливанова от 1 октября 1937 года.

В судебном заседании Поливанов заявил, что его показания на предварительном следствии не соответствуют действительности и что антисоветской деятельностью он не занимался.

Допрошенный на предварительном следствии свидетель Кузнецов высказывал лишь свое предположение о связях Поливанова с японской разведкой, не основанное на конкретных фактах.

В своих заявлениях видные языковеды Б.А. Серебренников, Ю. Яншансин, К.К. Юдахин, Б.М. Юнусалиев и известные писатели В.Б. Шкловский и В. Каверин, длительное время знавшие Поливанова, характеризуют его как выдающегося учено-го-лингвиста, честного советского гражданина.

Находя осуждение Поливанова необоснованным, Пленум Верховного Суда СССР, соглашаясь с протестом и руководствуясь п. "а" ст. 9 Положения о Верховном Суде СССР.

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 25 января 1938 года в отношении Поливанова Евгения Дмитриевича отменить и дело о нем на основании п. 2 ст. 5 УПК РСФСР производством прекратить.

Председатель (В. Теребилов)

Секретарь (А. Кузнецов)

КОММЕНТАРИИ

¹ Это, конечно, тот же Четвертаков, который утвердил документ № 2.

² Далее в деле идут протокол обыска от 2 августа (в тексте ошибочно 2 июля), подписанный Маргайтисом и женой ученого - Б.А. Поливановой в качестве свидетеля, где указаны паспорт и "разная переписка, книги, письма в одном рюкзаке", для представления в Управление НКВД Кирг. ССР. Затем следуют "Анкета арестованного", заполненная уже в Москве сотрудником 10 отдела ГУГБ НКВД СССР 16 августа (л. 3), две квитанции от того же числа на приемку от арестованного вещей и денег (л. 4, 5). Некоторые документы подшиты не в хронологическом порядке.

³ Во всех документах дела указан 1892 г. в качестве года рождения Поливанова, хотя документально установлено, что он родился в 1891 г., и эта дата сейчас принята во всех изданиях.

⁴ Ссылка на документ № 7156 возвращает нас назад, ибо документ этот - не что иное, как шифротелеграмма замнаркома Фриновского от 25 июля 1937 г., направленная почему-то в адрес УНКВД КазССР в Алма-Ату с требованием - "немедленно арестуйте востоковеда Поливанова Евгения и спец-

конвоем направьте в 3 отдел в Москву" - и днем позже продублированном грозным напоминанием - "немедленно сообщите арестован ли Поливанов Евгений". Стало быть, вопрос об аресте был решен в Москве, а не во Фрунзе. Но именно во Фрунзе Поливанов был арестован. Это произошло 1 августа 1937 г., и эту дату следует считать окончательной (ранее в литературе встречались ошибочные даты: март 1937 г., ноябрь 1937 г.).

⁵ В Москве "Анкета арестованного" составлена 16 августа того же года, что вносит путаницу: будто арест состоялся в Москве. Эта двойная бухгалтерия противоречит здравому смыслу, но отражает порядок, царивший на Лубянке в тот страшный 37-й год: путь на Голгофу для большинства "врагов народа" начинался с Лубянки.

⁶ Документ, по-видимому, единственное официальное подтверждение наркомании Поливанова, многократно упоминавшейся в воспоминаниях о нем, см. ниже показания Н.К. Кузнецова и В.Б. Шкловского. Существовала версия о том, будто Поливанов умер в тюрьме от невозможности получить наркотик или же от "отравления наркотиками", как сказано в статье о Поливанове в японской лингвистической энциклопедии: Кокугогаку-дзитэн. Токио, 1955, с. 877 (авторы - Хаттори Сиро; и Мураяма Ситиро:). Существовала также версия, согласно которой Поливанов арестован не по 58-й статье, а за хранение наркотиков; ее использовали А.А. Драгунов и другие ленинградские востоковеды в 40-е годы и в начале 50-х годов, обосновывая допустимость ссылок на работы Поливанова.

⁷ Дело несомненно групповое. Поэтому было признано целесообразным выделить дело Поливанова в отдельное производство.

⁸ Статья 58-1 - измена родине, пункт 1^а — шпионаж.

⁹ Данному документу предшествует подготовленное теми же лицами 23 августа постановление о выделении следственного материала на Поливанова в отдельное производство (л. 9).

¹⁰ Фамилия отсутствует.

¹¹ Бригитта Альфредовна Поливанова-Нирк (1899 — 1946), эстонка, уроженка г. Валга, затем жила в Ревеле (ныне Таллинн), училась в Петроградском университете, жена Поливанова с 1921 г. После ареста мужа выехала в Ташкент. 17 ноября 1937 г. во Фрунзе из Москвы пришло предписание о ее аресте как "жены врага народа", однако из-за ее отъезда разыскали ее не сразу. Арестована 10 апреля 1938 г. в Ташкенте, следствие проходило во Фрунзе. 13 ноября 1938 г. как "агент польской разведки" осуждена на 10 лет лагерей. Умерла в Каргопольяге (Архангельская область) 1 июля 1946 г. Реабилитирована лишь в 1989 г. О ее следственном деле см.: *В.М. Плоских*: Приговор. - Слово Кыргызстана. 14.IX.1991.

¹² Аврелия Альфредовна Нирк, по мужу Одоевская. Жила в Ташкенте и Фрунзе вместе с сестрой и ее мужем. Судьба после 1937 г. не выяснена.

¹³ В "Анкете арестованного" - "механически ввиду болезни", см. ниже в протоколе допроса от 15 октября иную формулировку - "механически как пассивный и увлекавшийся наркоманией". Видимо, главной причиной выбытия Поливанова из партии стала именно наркомания. Последующая ситуация с партийностью Поливанова до конца не ясна. В одной из фрунзенских анкет 1935 г. он назван кандидатом в члены ВКП(б). (см.: *В.Г. Ларцев*. Указ. соч., с. 201). Однако в деле он везде проходит как беспартийный, и о его вторичной попытке вступления в партию или восстановления в ней не сказано.

¹⁴ Этот эпизод связан с уходом Поливанова из Наркоминдела ввиду конфликта с Л.Д. Троцким. Последний обвинял Поливанова в служебных злоупотреблениях.

¹⁵ Г.В. Чичерин стал наркомом в мае 1918 г., после ухода Поливанова из наркомата.

¹⁶ Так в тексте. Правильно: Петроградский комитет РКП(б).

¹⁷ Государственный ученый совет.

¹⁸ Узбекский государственный научно-исследовательский институт культурного строительства.

¹⁹ Подпись Е.Д. Поливанова имеется также на всех листах протокола этого и последующего допроса. Даже неспециалисту заметна разница почерков Поливанова в этом протоколе, подписанном, вероятно, до пыток, и в протоколе от 15 октября после полуторамесячной "обработки".

²⁰ Так в тексте.

²¹ Этот документ в деле отсутствует. Его полный текст и местонахождение оригинала неизвестны. Публикуемая здесь цитата из заявления (по-видимому, его начальная часть) приводится в протесте Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко от 1 марта 1963 г., подшитом в реабилитационной части дела (л. 48). Отметим, что в деле нет протоколов допросов, за исключением тех двух, которые здесь публикуются; в частности, нет ни одного протокола, относящегося к периоду написания заявления. Вероятно, почти два месяца Поливанов отказывался признать себя виновным и в дело попало лишь итоговое признание.

²² Алексей Андреевич Поливанов (1855-1920), дальний родственник Е.Д. Поливанова, был военным министром в июне 1915 - марте 1916г.

²³ Генерал Алексей Алексеевич Маниковский (1865-1920) в это время был начальником Главного артиллерийского управления.

²⁴ Так в тексте.

²⁵ Михаил Иванович Терещенко (1886-1956) - министр иностранных дел Временного правительства в апреле - октябре 1917 г.

²⁶ Матвей Иванович Скобелев (1885-1938) - меньшевик, министр труда Временного правительства в апреле - августе 1917 г.

²⁷ Порт Циндао в Китае был захвачен Японией в начале первой мировой войны в 1914 г., возвращен Китаю в 1922 г.

²⁸ Вероятно, речь идет о Третьем Всероссийском съезде Советов, проходившем в Петрограде в январе 1918 г., Л.Д. Троцкий делал на нем доклад о войне и мире. В марте 1918 г. в Москве проходил Четвертый Всероссийский съезд Советов, обсуждавший вопрос о ратификации Брестского мира, но доклад об этом делал не Троцкий, а В.И. Ленин.

²⁹ Сергей Дмитриевич Сазонов (1860-1927) был министром иностранных дел с сентября 1910 по июль 1916 г.

³⁰ Борис Захарович Шумяцкий (1886-1938) - видный партийный деятель, в это время член Реввоенсовета 5-й армии и работник Коминтерна.

³¹ Третий конгресс Коминтерна состоялся в Москве в июне - июле 1921 г.

³² Джадиды - участники либерального культурного движения среди тюркских народов России в конце XIX - начале XX в., выступали за светское образование и освоение европейской культуры при сохранении мусульманства. В 20-е годы часть джадидов поддерживала советскую власть и участвовала в культурном строительстве, в конце 20-х - начале 30-х годов эти люди подверглись репрессиям, а в 1937-1938 гг. большинство из них физически уничтожено.

³³ Номер отсутствует.

³⁴ Об этом человеке нам ничего не известно.

³⁵ Это единственные имеющиеся в деле показания другого лица против Поливанова.

³⁶ За Вышинского подписался его заместитель Г.К. Рогинский.

³⁷ Статья 58-8 - подготовка и совершение террористических актов, статья 58-11 - принадлежность к контрреволюционной организации.

³⁸ Зачеркнуто: внедрился (то же ниже, в п. 2).

³⁹ Нами опущено повторение краткой биографии Поливанова.

⁴⁰ Отметим, что Поливанову помимо стандартных обвинений в "контрреволюционной деятельности" вменяется в вину и шпионская деятельность против царской России. Такое обвинение тогда было обычным для лиц, изображавшихся "японскими шпионами" (см., в частности, документы следственного дела акад. А.Н. Самойловича, нами опубликованные: Восток. 1996, № 5, с. 157). Дела Самойловича и Поливанова шли в одно время параллельно друг другу, в них совпадают многие фамилии: следователь Мальцев, его начальники Григорьев и Минаев, судьи Кандыбин и Козлов, регистратор исполнения смертных приговоров Шевелев. Однако фамилия Самойловича в деле Поливанова и фамилия Поливанова в деле Самойловича не упоминаются.

⁴¹ Закон, принятый в день убийства С.М. Кирова и предусматривавший упрощенную процедуру судопроизводства по политическим делам, в том числе отсутствие у подсудимого права на кассацию и немедленное исполнение смертных приговоров.

⁴² Далее в деле идут протокол подготовительного заседания Военной Коллегии от 22 января (л. 33) и расписка Поливанова от того же дня о вручении ему копии обвинительного заключения (л. 34).

⁴³ Наиболее вероятное место приведения приговора в исполнение - «район пос. Бутово или совхоз "Коммунарка"» т.е. вблизи братской могилы, места массового захоронения расстрелянных.

⁴⁴ Не вполне точно: в Японии Поливанов был с научной целью и в посольстве не служил, Китай посетил лишь проездом.

⁴⁵ Список языков не вполне совпадает с приведенным выше перечнем, составленным самим Е.Д. Поливановым.

⁴⁶ Об этой службе никаких данных нет. Либо это одна из мистификаций, к которым был склонен Е.Д. Поливанов, либо в самом деле рассказ о работе на царскую разведку в протоколе допроса от 15 октября 1937 г. имел некоторую реальную основу, от этом Поливанов мог рассказывать Шкловскому.

⁴⁷ Переводом и подготовкой к печати этих договоров Поливанов занимался уже после революции во время работы в Наркоминделе. См.: *В.Г. Ларцев*. Указ, соч., с. 50-53.

⁴⁸ О выступлении Поливанова против Марра см.: *В.Г. Ларцев*. Указ, соч., с. 74-90; *В.М. Алтаев*. История одного мифа. М., 1991, с. 87-93. Выступить против Марра Поливанов смог лишь устно, издать эти

труды он не смог даже на правах рукописи, опубликованы они лишь в наше время (*Е.Д. Поливанов*. Труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991, с. 508-561).

⁴⁹ В Среднюю Азию в 1929 г. Поливанов был вынужден уехать не из Ленинграда, а из Москвы (см. выше, документ № 5). Однако есть данные о том, что перед этим он действительно вел переговоры с А.Н. Самойловичем о переезде в Ленинград и возобновлении работы в университете, что не осуществилось.

⁵⁰ Это утверждение опровергается материалами дела. Неверны также часто встречающиеся версии об отправке Поливанова после ареста в Ташкент. См.: *В.Г. Ларцев*. Указ, соч., с. 126, а также *К.Икрамов*. Дело моего отца. М., 1991, с. 252. В деле версия упомянута в ходатайстве Б.А. Серебренникова (л. 38).

⁵¹ При жизни у Поливанова вышло около 140 публикаций, в том числе более 20 книг и брошюр. См.: *Е.Д. Поливанов*. Статьи по общему языкознанию. М., 1968, с. 31-42; Евгений Дмитриевич Поливанов. Библиографический указатель. Самарканд, 1985. Однако еще большее число его работ либо осталось в рукописи, либо погибло или затерялось. См. подготовленные Л.Р. Концевичем списки этих работ: *В.Г. Ларцев*. Указ, соч., с. 296-325.

⁵² Так в тексте. Видимо, пропущено слово "даром".

⁵³ Под именем Драгоманова Поливанов выведен лишь в одном произведении В.А. Каверина — романе "Скандалист, или Вечера на Васильевском острове". Поливанов выведен также в его рассказе "Большая игра", но под другой фамилией. См.: *В.Г. Ларцев*. Указ, соч., с. 177—187.

⁵⁴ Сходную, но не вполне ту же самую информацию о Поливанове В.Б. Шкловский приводит в книге воспоминаний "Жили-были" (М., 1966) и в письме В.Г. Ларцеву от 30 августа 1984 г., опубликованном в кн.: *В.Г. Ларцев*. Указ, соч., с. 188-190.

⁵⁵ В деле также содержится письмо на имя Генерального прокурора СССР от директора Института языкознания АН СССР чл.-кор. АН СССР Б.А. Серебренникова от 25 декабря 1962 г., ставшее основанием для начала пересмотра дела (л. 38-40), и показания дунганского языковеда Ю. Яншансина от 14 февраля 1963 г. (л. 41), академика АН Киргизской ССР К.К. Юдахина от 5 февраля 1963 г. (л. 42—43), киргизского ученого Б.М. Юнусалиева от 6 февраля 1963 г. (л. 44), писателя В.А. Каверина (л. 47). Все перечисленные лица дали положительную характеристику Поливанова.

⁵⁶ Данный протест Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко подшит перед постановлением (л. 48-49).